

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

© 2005 А.А. Сапунов

Воронежский государственный университет

Весь мир окутан информационными сетями, и наша жизнь немыслима больше без современных коммуникационных технологий. Интернет, спутниковое и кабельное телевидение, цифровые и мультимедийные системы соприкасаются с жизнью все большего количества людей. Как показали исследования Э. Тоффлера, Д. Белла, У. Ростоу, Т. Стоунера, М. Кастельса, У. Шрамма, Дж. Гербнера, а у нас — Л. Земляновой, Я. Засурского, В. Терина, М. Назарова и др., в XX в. массовое общество развивалось под все возрастающим влиянием новых технологий, придавших беспрецедентное ускорение движению информационных массивов. Коммуникативистика, наука, изучающая глобальные процессы в СМИ, зафиксировала создание “информационной супермагистрали” (superhighways), которую характеризует объединение компьютеров в глобальные сети, создание мультимедийных технологий, то есть качественное изменение всей медиаинфраструктуры. В работах многих авторов проводится мысль о том, что под влиянием новых коммуникационных технологий мир вступает в новую социальную эпоху постсовременности. Это связывают с очевидными изменениями экономического и социального характера.

Однако многие исследователи как в журналистике (А. Короченский, Е. Доценко, С. Михайлов, Е. Андрунас, Г. Почепцов; Н. Хомски, Э. Херман, Б. Макнейр, Р. Милибанд, Ф. Шлезингер, Р. Макчесни, О. Бойд-Барретт и другие), так и в других науках — культурологии, социологии, психологии и философии (А. Панарин, С. Кара-Мурза, А. Дугин, Д. Иванов, А. Бузгалин, А. Соловьев, М. Вершинин; М. Маклюэн, Ф. Бреттон, У. Эко, А. Маттелар, Ж. Бодрияр и др.) отмечают, что развитие коммуникаций не только не сняло главных проблем западной журналистики, но и усугубило их.

Американский медиакритик Л. Богарт называет термин “информационная супермагистраль” “неудачной метафорой”, справедливо от-

мечая, что магистраль имеет в лучшем случае два направления, что не может обеспечить информационного разнообразия [1, 1]. Именно отсутствие информационного разнообразия стало главным объектом критики современной западной системы СМИ со стороны гуманистически ориентированных исследователей. В 70-е годы появляется философская концепция информационного общества как идеологии, приверженцы которой отвергали техницистский детерминизм Тоффлера, Белла и Бжезинского и утверждали, что само по себе развитие информационных технологий не может быть залогом гармоничного развития общества, а упор на технологии предназначен лишь для отвлечения внимания от острых социальных проблем. Тон таким исследованиям задала концепция М. Маклюэна, который заявил, что телевизионные коммуникации создали единую центральную нервную систему человечества, которая соединяется в телевизионном экране и формирует “глобальную деревню”.

В те же годы на Западе появляются исследования, которые зафиксировали серьезные расхождения либеральных посылов о свободных западных СМИ с реальностью. Наиболее известна в этом ряду Медиагруппа Университета Глазго, которая в 1976 и 1980 гг. выпустила два научных отчета “Плохие новости” и “Еще больше плохих новостей”, в которых дала крайне пессимистичную оценку англо-американской журналистике. Они в частности заявили, что “телевизионная новость — это не нейтральное и естественное явление, это, скорее, конвейерный идеологический продукт... Идеология определенного класса является доминирующей и предпочтительной” [2, VIII], [3, 1, 415].

Соответственно акцент делается на манипулятивный аспект западных СМИ. Э. Фромм дает пессимистическую оценку формированию устоев западного общества: “В кибернетическую эру личность все больше и больше подвержена ма-

нипуляции. Работа, потребление, досуг человека манипулируется с помощью рекламы и идеологий. Человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе, становится полностью “отрегулированным” и обучается тому, что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создает ему большие неудобства” [4]. При этом в манипулятивных целях применяются методы из других наук, прежде всего, социальной психологии и социологии. Американские исследователи Н. Хомски и Э. Херман пишут: “Западные СМИ – пропагандистские институты, которые фальсифицируют, затемняют, переделывают факты в интересах тех, кто управляет экономикой и политической системой” [5, 71]. Американский профессор Б. Багдикян, специалист по монополиям, пишет: “Власти самых вроде бы демократических стран всегда признавали, что для контроля над обществом они должны взять в свои руки информационное дело. Лидеры демократий не меньше чем врачи, шаманы, короли и диктаторы контролируют информацию, они контролируют ее с той же энергией, с какой контролируют вооруженные силы” [6, 10]. Еще один американский профессор, специалист в области манипуляции, Г. Шиллер пишет об основных мифах, используемых для господства правящей элиты в США: об индивидуальной свободе и личном выборе граждан, об объективности действий важнейших политических институтов (конгресса, суда, президента, СМИ), о неизменной природе человека, его агрессивности, склонности к потребительству и накопительству, о плюрализме в СМИ [7].

Появление новейших информационных технологий не только открыло новые технические возможности, но и поставило новые проблемы. На рубеже XX-XXI вв. заговорили о виртуализации и симуляции реальности, киберпротезировании, электронном эклектизме, информационной перегрузке [цит. по 8]. Американский психолог Дж. Миллер пишет о том, что существуют серьезные ограничения на количество информации, которое мы в состоянии получить, переработать и запомнить. «Классифицируя информацию, абстрагируя и “кодируя” ее разнообразными способами, мы умудряемся растягивать эти границы, но факты говорят о том, что наши способности конечны. Насыщение человека большей информацией, чем он может переварить, приводит к разбалансировке, информационная перегрузка может быть связана с разнообразными формами психических заболеваний» [9, 283-286].

Возникает парадокс: “more information – less knowledge” (чем больше информации, тем мень-

ше знания), который отражает противоречие между сущностным и операциональным аспектом информации, из которых в современном обществе доминирует первый. То есть не важно, действительно ли ты знаешь суть вопроса, важно, что ты получил соответствующую информацию, владеешь ей и можешь продать другим. С другой стороны, этот парадокс только подтверждает тезис Н. Винера об информации как “*властной силе*” – могучем инструменте в руках властной элиты, которая управляет большинством тем легче, чем больше его “информационная перегрузка” – набор эклектичных сведений, которыми забит мозг индивида.

Именно поэтому актуальным является критический анализ существующей системы западных СМИ на основе *политэкономического* метода. Основы этого метода, как известно, заложили в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс, а его современными последователями в теории журналистики являются американские исследователи Н. Хомский, Э. Херман, Р. Макчесни, О. Бойд-Баррет, британцы Б. Макнейр, Р. Милибанд и др. Этот метод предполагает, что журналистская сфера зависит, прежде всего, от экономической структуры общества и вовлеченных организаций. Значит, в западном капиталистическом обществе, где большинство СМИ организованы как бизнес-предприятия, ведущей является тенденция к концентрации производства и монополизации СМИ; соответственно СМИ, как и другое производство, сосредотачиваются в руках ограниченного количества людей, которые и составляют элиту капиталистического общества. Главной функцией СМИ становится поддержание власти меньшинства (капиталистической элиты) над большинством путем навязывания своих ценностей и идей. Причем идеи насаждаются и поддерживаются всем спектром коммуникационных каналов: телевидением, кино, видео, прессой, рекламой и так далее. Происходит кумуляция ценностей, которая формирует надежную *систему*. Американский исследователь Р. Макчесни констатирует: “Медиасистема в США не служит демократии, она существует, чтобы приносить максимальную прибыль небольшому количеству очень крупных фирм и миллиардеров. Она делает свою работу очень хорошо. Таким образом, в СМИ мы видим главное противоречие эпохи: демократические интересы большинства подрываются частными корыстными интересами могущественного меньшинства” [10].

То, что на Западе “независимыми” считаются СМИ, “независимые” от государства, – высшая степень лицемерия, так как такие СМИ не свободны от капитала, формирующего буржуаз-

ную элиту и, в конце концов, образующего государственную власть. СМИ — яркий пример того, что буржуазные конституции “забыли” защитить человека от капитала, предоставив принадлежащим монопольному капиталу масс-медиа возможность фильтровать информацию во всех сферах и превращать реальную политику в фикцию. Государственные и общественные СМИ, как и любые культурные институты, действуют в рамках той же системы, потому что управляются той же капиталистической элитой, которая формирует управляющие органы в западных странах. То есть буржуазная “объективность” означает скрытую манипуляцию при навязывании капиталистических и корпоративных ценностей в ущерб людям труда — ученым, врачам, инженерам, рабочим и др. При этом, в отличие, скажем, от советской пропаганды, *западная пропаганда изначально не верит в то, о чем говорит*. Ни о какой объективности либерального “мэйнстрима” речи быть не может, соответственно, честнее выглядят те, кто не скрывает своих взглядов за ширмой “объективности”.

Исходя из этого, Р. Милибанд писал: “Предполагаемая непредвзятость и объективность западных СМИ является искусственной. Ведь они функционируют, опираясь на формулировки, которые, хотя и разделяются, остаются частью общего, лежащего в основе консенсуса. Таким образом, радио и телевидение в США и Великобритании могут быть непредвзятыми по отношению к республиканцам и демократам, консерваторам, лейбористам и либерал-демократам, но это едва ли станет помехой устойчивой пропагандистской линии, враждебной любым взглядам, выходящим за рамки консенсуса. То есть непредвзятость и объективность заканчиваются там, где кончается консенсус, и чем радикальнее отклонение от консенсуса, тем менее объективными и непредвзятыми становятся масс-медиа” [11, 400].

Иначе говоря, политэкономический подход полагает, что экономическая база определяет культурную и идеологическую надстройку, важной частью которой является медиасфера, в нескольких аспектах: экономическая принадлежность, политический контроль, реклама и т. п. Консенсус базируется на концепции примата частной собственности и всеобщей конкуренции. Экономический, политический и управленческий контроль правящего класса над средствами интеллектуального производства обеспечивает господство его идеологии, оппозиционные идеи исключаются из “мэйнстрима” или маргинализируются им.

Немецкий социолог Э. Ноэль-Ноймен, представительница социологической теории “конструирования социальной реальности”, в своей ра-

боте “Спираль молчания” так описывает этот процесс: 1. Изоляция индивидов, не согласных с мнением большинства; 2. Индивид постоянно испытывает страх изоляции; 3. Страх оказаться в изоляции толкает индивида к принятию мнения большинства; 4. Это проявляется в его поведении, особенно в публичных высказываниях. Чем больше индивидов следует этим тенденциям, тем скорее мнение становится доминирующим в обществе [12, 105]. То есть угроза социальной изоляции для индивида оказывается важнее потери собственного мнения. И он присоединяется к мнению других, даже если не согласен с ними. Эта “спираль молчания” лежит в основе формирования общественного мнения.

При этом принцип “свободы слова”, которым гордится западное сообщество, сам по себе не может обеспечить плюрализма мнений в обществе и пропорционального доступа к СМИ различных социальных и идеологических групп. Для реализации принципа свободы слова важно, что каждый может сказать все, что угодно, в рамках закона. Как отмечает В. Ленин, «лозунг “свободы печати” стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX века... потому что выражал прогрессивную буржуазию, то есть ее борьбу против королей, феодалов, помещиков» [13, 78-83]. Когда буржуазия пришла к власти и вся пресса была партийной, было важно, чтобы одна партия не дискриминировала другую. Кстати, реально свобода слова в США стала предоставляться только в 60-е годы XX века, когда телевидение стало СМИ, и технология манипуляции обществом уже стала безотказной. Только в 1964 г. Верховный суд отменил Закон о мятежах 1798 г., который запрещал публичные выступления без разрешения местных, а иногда и федеральных властей и позволял объявить преступлением любую критику правительства. Только в 1966 г. был принят Закон о свободе печати, предоставивший открытый доступ к документам Конгресса. В любом случае исторически свобода слова была прогрессивна по отношению к абсолютистским порядкам. Сейчас этот принцип действительно соблюдается, но, учитывая, что у власти несменяемо находится одна “партия” — крупный капитал, механизма свободы слова уже недостаточно. Для настоящего разнообразия западной медиасистеме нужен принцип “свободы информации”, который подразумевает не только возможность людей сказать что-то, но главное — возможность донести свои мысли до других и объяснить их. Свобода информации должна, в отличие от свободы слова, не просто гарантироваться, но и обеспечиваться государством. В современных условиях это, конечно же, означает адекватный доступ к телевизионному

эфире, который в западных странах обеспечивается лишь для составных частей консенсуса.

В начале XXI в. вышеуказанные проблемы усугубились резкой концентрацией западных монополий в области массовых коммуникаций, которая привела к созданию мировой коммуникационной олигополии, когда около 10 крупнейших медиакорпораций контролируют основные коммуникационные сферы: телевидение, кино, видео, компьютерные программы, музыку, газеты, журналы, книги и т. д. Мировая олигополия состоялась по двум причинам. Во-первых, вследствие торжества неолиберальной идеологии, пропагандирующей примат коммерциализации всех сфер человеческой жизнедеятельности над социальными аспектами, принципиальную несовместимость частного и общественного. Во-вторых, это консолидация крупного медиакапитала как одной из важнейших составляющих класса неолиберального капитала для обеспечения оптимальных условий его существования. Р. Макчесни заключает: «Вместе с концентрацией пришел гиперкоммерциализм, масс-медиа имеют больше возможностей извлекать выгоду из своей деятельности; это создает в содержании СМИ косвенную политическую предвзятость. Консюмеризм, классовое неравенство и так называемый “индивидуализм” должны восприниматься как естественные и благожелательные, в то время как политическая деятельность, гражданские ценности и антирыночная идеология маргинализуются» [14]. То есть в основе современной мировой олигополии лежит коммерческая выгода, в совокупности с соответствующими неолиберальными ценностями, замещенными на фундаменталистском желании доминирования.

Проанализировать роль этих ценностей в системе зарубежных СМИ и избежать излишнего детерминизма при их рассмотрении поможет *культурологический* метод, который подразумевает создание широкого контекста и анализ социокультурных противоречий, лежащих в основе неолиберальной медиасистемы. Правда, культурологический подход автора далек от исследований “сдвигов консенсуса”, концепции (ее приверженцы британцы Ф. Шлезингер, Дж. Каррен и американец Д. Халлин), которая оправдывает либеральную систему СМИ под предлогом, что в ней постоянно происходят “сдвиги консенсуса” и они приводят к большим возможностям для высказывания оппозиционных по отношению к господствующей идеологии мнений (см., например, [15]).

На взгляд автора, за последнее десятилетие в западном мире не наблюдалось никаких серьезных “сдвигов консенсуса”. Стереотипы устой-

чивы, согласие элит переносится на все общество. Традиционное деление западного буржуазного общества на “правых” и “левых” постепенно лишилось смысла. Еще в 1981 г. Франсуа Миттеран, первый французский президент-социалист, попытался прибегнуть к традиционной социал-демократической стратегии – национализации и стимулированию потребления путем улучшения покупательной способности населения. Однако, столкнувшись с жестким противодействием капитала, повернул в сторону неолиберализма. Это было воспринято многими как провал социализма, а на самом деле знаменовало окончание послевоенного экономического бума (и вместе с ним “рационального капитализма” и кейнсианских иллюзий) и возвращение капитализма к своей исходной форме – с приматом накопления и прибыли. Распад советского блока ухудшил ситуацию, сняв препятствия для универсализации капитализма и представления его как безальтернативной формы развития. В 90-е гг. капитал больше не скрывал своего лица, что отразилось в рекордных цифрах увольнения рабочих и служащих, эксплуатации развивающихся стран и, разумеется, количества несправедливых войн.

Социал-демократы с тех пор все больше следовали логике капитала. Не случайно сейчас лейборист Тони Блэр стал “главным консерватором” Великобритании, а социал-демократ Герхард Шредер – “главным унионистом” Германии. Нынешние британские “левые” уже ничем не напоминают лейбористов хотя бы 70-х гг., Шредер далек от Вилли Брандта. Во время последних президентских выборов в США единственными темами, по которым наблюдались реальные разногласия между Бушем и Керри, были однополые браки и аборты. В политических вопросах мы видели лишь профанацию дискуссии (“разные способы” ведения войны в Ираке). Бывший министр итальянского правительства социалистов Дж. Руффоло недавно заявил: “Посредством глобализации капитализм выиграл историческую битву, уничтожив реформистски настроенный левый фланг как в Европе, так и в Америке” [16]. Итальянский публицист Ф. Бертинотти пишет об этом так: “Жуткие события в Ираке ознаменовали окончание послевоенного периода, когда существовали две противостоящие друг другу экономические и социальные концепции, и социальная борьба привела к росту уровня жизни и влияния профсоюзов” [17].

Неолиберальное наступление на исторические завоевания класса производителей стремительно развивается. Окончательный консенсус буржуазной элиты выражается в беспрецедентном цинизме по отношению к социальному протесту. В Италии выдвижение дискриминацион-

ных социальных законов (как, например, “закон Марони”, урезавший пенсии) привели к общенациональной забастовке, однако законы все равно были приняты. Во Франции правительство Ж.-П. Раффарена небезуспешно атакует пенсионную систему и другие социальные завоевания, несмотря на всеобщее сопротивление населения. Наконец, немецкие “левые”, протасив антисоциальный “закон Герца” и навязав 35-часовую рабочую неделю Восточной Германии (при том, что крупнейший немецкий профсоюз ИГ Металл впервые за 50 лет прекратил забастовки, не добившись уступок), разрушают статус Германии как социального государства.

Помимо законодательных мер, используется и обходная тактика. По всей Европе процветает практика так называемой “временной занятости”. Так как мизерная зарплата при такой форме занятости не позволяет производить социальные отчисления, люди оказываются без медицинского обеспечения, пенсии, пособий по болезни, и хотя официально социальная защита не отменена, люди не могут ей воспользоваться. В Германии, например, число частично занятых в 2004 г. составляло 7,2 млн человек. При этом официальное число безработных в этой стране составляет 5 млн человек, эта цифра впервые в новейшей истории приближается к предфашистскому (1931 г.) показателю в 6,1 млн. Безработица — естественный механизм шантажа рабочего класса в капиталистическом государстве, однако слишком большое количество безработных может привести к нежелательным для капитала социальным взрывам. Европейские профсоюзы фактически вплелись в консенсус и отказываются проводить общеевропейские протестные акции. Это идет на фоне монополизации, отсутствия конкуренции, постоянной перекачки рабочей силы в виртуальную сферу. Старая Европа таким образом умирает, новая, либеральная Европа в виде Евросоюза все меньше отличается от Америки. В самой Америке тоже идет активное наступление на социальные завоевания производительного класса, достигнутые в 60-е гг., прежде всего это выражается в предложениях приватизировать фонд социального страхования — столп социальной системы США. Динамика безработицы за четыре года президентства младшего Буша оказалась худшей со времен Гувера. Американские профсоюзы также становятся все слабее и сговорчивее, за последние 20 лет количество членов профсоюзов упало с 20,1 до 12,5 % (показатель 2004 г.), в частном секторе количество работников, состоящих в профсоюзах, упал до 7,9 % — худший показатель, начиная с 1900 г. [18]. В штатах Индиана и Миссури вообще были отменены тарифные переговоры с профсоюзами.

В основе этих процессов лежат экономические причины. Капитализм окончательно переходит в империалистическую стадию, оставляя принципу конкуренции лишь номинальные формы. Нормальное состояние капиталистической экономики в стадии империализма — стагнация. Гигантские корпорации пытаются довести до максимума экономические излишки, находящиеся в их распоряжении, контролируя и тщательно регулируя расширение производственных возможностей. Перенакопление капитала, связанное с уменьшением потребления, ведет к свертыванию инвестиций, так как монополии избегают вложения средств в убыточное производство (так называемый кризис перепроизводства). В результате происходит снижение экономического роста.

Этот процесс происходит в результате отсутствия ценовой конкуренции в самых высокоразвитых отраслях промышленности. Цены идут только в одну сторону — вверх. Конкуренция существует, но ограничена лишь сферами инноваций, удешевляющих производство, и маркетинга. Корпорации отвечают на убытки не понижением цен, а “сокращением расходов” — закрытием предприятий и увольнениями сотрудников, чтобы сохранить показатели прибыли. Повышение производительности также в основном ведет не к понижению цен или повышению зарплат, а к перераспределению излишков между высшими руководителями и главными инвесторами корпораций. В результате — перенакопление и уменьшение реального потребления. Излишки увеличивают состояние крупной буржуазии, идут на непроизводительное потребление и не используются для эффективных и целенаправленных инвестиций, что также существенно уменьшает возможности экономического роста.

Поэтому экономические бумы капиталистической экономики связаны именно с войнами как стимулами увеличения инвестиций в оборонную промышленность. Например, экономический бум в США после Второй мировой войны исследователи связывают не только с самой войной, но и с последствиями войны: реконструкция западноевропейской и японской экономики под американским началом, статус доллара как валюты-эталона в Бреттон-Вудской системе, создание перманентно милитаризованной промышленности, которая оправдывалась “холодной войной”. Ответом капитала на естественное падение экономических показателей и стагнацию в последовавшие годы неизбежно был рост империализма и количества войн.

Экономика, разгоняемая за счет военных расходов, равно как и уменьшение налогов на

корпорации и самые богатые слои населения (ключевое звено “рейганомии” и “бушизма”), неизбежно создает огромный бюджетный дефицит, внутренний и внешний долг. Фактически американская экономика — оплот неолиберализма — это гигантская пирамида, требующая постоянных накачек. Между тем бюджетный дефицит, создаваемый в интересах правящего класса, используется как предлог для свертывания социальных программ, направленных на помощь бедным и среднему классу, “классовой войны сверху”.

Вместе с этим в прошлом остаются кейнсианские понятия “рационального капитализма” и “государства благополучия”. В 70-е гг. в период стагнации в американской экономике укоренились такие понятия, как “жесткие меры”, “реструктуризация”, “дерегулирование”, “приватизация”, “свободный рынок”, “глобализация” и др. Экономически неолиберализм означает максимальную ориентацию на накопление и прибыль без учета социальных последствий. Это ведет к уменьшению зарплат, нейтрализации профсоюзов, уничтожению государственной поддержки и субсидирования “неконкурентоспособных отраслей”, устранению барьеров для мобильности капитала, отказу от перераспределения доходов в пользу более бедных слоев населения (что неизменно происходит в США в последние 25 лет) и т. п. Неолиберальные принципы распространяются и на сферы жизнеобеспечения: здравоохранение, образование, средства массовой информации, пенсионную систему, экологию.

Деление западных журналистов на либералов и консерваторов настолько же условно, насколько деление по такому принципу политиков. Попытка представить американских демократов как “левых” делается на основании того, что они выступают за такие “социально-ориентированные” позиции, как защита прав сексуальных меньшинств или прав на аборт. В то же время, как только дело касается основ экономической политики и управления государством, разница между “левыми” и “правыми” стирается. То же самое касается журналистов. Опросы общественного мнения показывают, что большинство журналистов в США занимают более прокапиталистическую позицию, чем большая часть населения [19], что вполне устраивает владельцев СМИ. Медиамагнаты заботятся о благосостоянии тех, кто обеспечивает им информационное прикрытие. Поэтому журналисты, чье образование ориентировано на интересы истеблишмента, а уровень жизни выше среднего, исповедуют ценности, мало отличающиеся от ценностей их хозяев. Они могут быть “левыми” по незначительным проблемам, но по главным

вопросам политической экономики они едва ли будут на левом фланге американского общества. В 1940-х — 50-х гг. в США были сотни редакторов и журналистов, занимавших позиции в защиту людей труда, сейчас количество таких работников исчисляется единицами применительно ко всем видам СМИ “мейнстрима”. В 1929 г. журналисты газеты “Бостон глоуб” встретили Черный вторник, положивший начало Великой депрессии, аплодисментами: “Наконец капиталисты получили свое”. В 1987 г., узнав об обвале американского рынка акций, большинство журналистов той же газеты бросилось к телефонам, чтобы узнать у брокеров состояние своих акций.

Дискуссия допускается только в спектре мнений тех, кто контролирует общество. Профессиональная автономия журналистов не распространяется дальше этого спектра, несмотря на то, что это удаляет масс-медиа от реальности в Америке и других западных странах. Политики, критикующие социальные основы капиталистической системы (например, Р. Надер), практически не появляются на страницах американских газет и в эфире электронных СМИ. Журналистские профсоюзы защищают не свободу мнений, а целостность капиталистической медиасистемы. Журналисты, посягающие на основы западной капиталистической системы и “демократии”, которая навязывается “мейнстримом” как данность, объявляются предвзятыми, партийными и непрофессиональными работниками. Профессionalами же считаются те, кто помогает защищать статус-кво. Основные американские этические кодексы являются откровенно буржуазными и отражают коммерческие и политические интересы властной элиты.

Таким образом, плюрализм западных СМИ не стоит оценивать с точки зрения предоставления возможности доступа к ним различных частей элиты (консерваторов и либералов), а с точки зрения *соотношения возможностей элиты и тех, кто критикует основы существования этой элиты — экономической и политической строй.* Ис этой точки зрения современные западные медиасистемы не выдерживают никакой критики.

Расколы западного общества носят лишь тактический характер, как это произошло перед иракской войной. Тем не менее, на внешней арене “сдвиги консенсуса” наблюдаются чаще и связаны они с борьбой за влияние в западном мире. Если внутренний “консенсус” в западных странах часто списывают на соответствующие ценности, то в международной сфере роль доминирующего на Западе класса — либеральной буржуазии — нельзя не оценить как реакционную. Именно либеральные ценности, замешанные на конкуренции до победного конца, стали причи-

ной всех катаклизмов XX в. Сначала — империалистические колонизаторские войны за передел мира, затем — появление уродливого выкидыша либерализма — фашизма, который перенес идеи всеобщей конкуренции на расовый уровень, и, наконец, глобальные войны США и их союзников за установление и поддержание гегемонии либерализма (или теперь уже “неолиберализма”) во всем мире (а заодно и поддержка ВПК — локомотива американской экономики, накачка мирового рынка пустыми долларами, решение сырьевых проблем).

Культурные корни неолиберализма уходят в протестантское понимание свободы воли как “возможности проводить внутри данных общественных отношений свою собственную волю, даже вопреки сопротивлению” (определение М. Вебера). На таком понимании основывается протестантская этика, определяющая “успешность” как богоизбранность. Богоизбранными, соответственно, считаются и успешные народы. Так же, как и ортодоксальное толкование иудаистского канона о богоизбранности еврейского народа, целью которого является “тикул олам”, то есть “совершенствование мира” под управлением еврейского Бога, это ведет к религиозному фундаментализму, выражающемуся в стремлении “богоизбранных” управлять миром. Отсюда появляются концепции, вроде “золотого миллиарда” или *Rax Americana*, составленные в худших расистских традициях Мальтуса и социал-дарвинистских — Хайека, которые отводят не попавшим в разряд избранных народам роль стран “периферийного капитализма”, которые будут в лучшем случае добытчиками сырья для обеспечения благосостояния “золотого миллиарда”. Россия в этот миллиард не входит, кстати, именно роль добытчицы сырья отводил ей Гитлер. Ультранационалистические и расистские теории стали надежным механизмом отвлечения внимания производительного класса от внутренних проблем. При этом очевидно, что эксплуатация других народов ведет лишь к обогащению крупных корпораций и обслуживающей их большей части “среднего класса”. В то время как производительный класс теряет рабочие места и находится под постоянной угрозой увольнения и сокращения зарплат из-за переноса производства в бедные страны.

Необходимо различать понятия “демократия” и “либерализм”. Демократия, как известно, означает “власть народа” и подразумевает именно такой вектор развития. Либерализм выражает дух крайнего индивидуализма, всеобщей конкуренции между индивидами вплоть до борьбы на уничтожение. Если демократия предполагает общность людей в управлении своим госу-

дарством, то либерализм предполагает атомизацию общества, которое находится в состоянии “*bellum omnium contra omnes*” (война против всех)¹, и чтобы индивиды, живущие по принципу “*homo homine lupus est*” (человек человеку волк), не перебили друг друга, они создают государство, “нанимают” президентов, мэров и других чиновников. Либерализм, в том числе и за счет развития технических средств управления массовым поведением, извратил такие основополагающие принципы демократии, как народное волеизъявление или публичность политики. В конце концов, цель демократии — гармоничное управление обществом, справедливый контроль над средствами производства и пропорциональное распределение ресурсов и национального продукта, а цель либерализма — подчинение общества меньшинству, монополизировавшего средства производства во всех сферах, и удержание общества в подчинении путем создания иллюзорных образов и мифов.

Маргинализаторские механизмы, реализованные либеральной буржуазией внутри западных стран, теперь распространились на международную арену. Мы видим догматическую глобальную идеологию — “демократию”, ничего общего не имеющую с настоящим народовластием, экономическую идеологию — “рыночную экономику” — *Lex Mercatoria* (закон рынка), функционирующую на основе несправедливого распределения, культурную идеологию — массовую культуру и постмодернистскую эклектику, их военно-политико-финансовый хребет — НАТО, Европейский Союз, МВФ, Всемирный банк, ВТО и т. д. Любые силы, выступающие против “мирового порядка”, маргинализируются, осмеиваются и физически уничтожаются. Исключения из этого правила не противоречат главному: манипуляция и создание “консенсуса”, необходимого либеральной элите.

Не стоит отождествлять мировой империализм только с США. Неолиберальный империализм — это многослойная структура, основу которой составляют ТНК и финансовые спекулянты, на более низком уровне — наркодельцы, мафия, новые работорговцы и другие бандиты. Первые душат и деиндустриализуют национальные экономики, виртуализируют стоимость и искусственно накачивают потребление, контролируют потоки вращающихся в мире триллионов долларов, предназначенных исключительно для спекуляций. Вторые обеспечивают при-

¹ Вся история развития либерального общества — войны: религиозные, буржуазные, гражданские, империалистические.

крытие нелегальным операциям первых, контролируют власть “на местах”, направляя разрушительные потоки против неудобных стран (как это делают нынешние афганские главаря, обеспечивающие наркотрафик в Россию). Но Северная Америка – главный инструмент для поддержания “мирового порядка”. Журналист “Нью-Йорк Таймс” Т. Фридман признает: “Невидимая рука рынка никогда не заработала бы без невидимого кулака. Макдональдс не смог бы процветать без МакДонелла Дугласа, изобретателя F-15. Невидимый кулак, который обеспечивает безопасность технологий Силиконовой долины, называется американской армией, ВВС, флотом и морской пехотой” [20].

СМИ играют в мировой империалистической системе ключевую роль. Шовинистическая модель англосаксонской прессы сформировалась еще в XIX в. Немецкий историк журналистики Л. Саламон характеризовал ее так: «Типичной чертой английской прессы является ее националистический характер. Для нее на первом плане стоит величие, мощь и благополучие Англии. Это чувство собственного превосходства, заставляющее считать Англию первой и богатейшей страной в мире, иногда принимает у англичан смехотворные формы, доходит до слепого самовосхваления, до несправедливой ненависти и беззастенчивого презрения к другим нациям, особенно если их интересы противоречат английским. Поэтому девиз “Be just and fear not!”² может быть применен исключительно лишь для характеристики отношения английской прессы к внутренним делам... Требования гуманности утрачивают свою обязательность, как только они противоречат интересам англичан; это, впрочем, не мешает последним ссылаться на эти требования в тех случаях, когда это им выгодно» [21, 185].

И в наше время двойные стандарты являются важнейшим инструментом манипуляции. Они активно использовались западными СМИ во время противостояния СССР-США, например, инцидент, происшедший в 1983 г. с южнокорейским самолетом, который был принят советскими ПВО за шпионский RC-135 и сбит над территорией Хабаровского края, вызвал колоссальный резонанс в западных СМИ. Тогдашний президент Рейган потрясал воздух ярлыками: “империя зла”, “террористы”, “варвары”, “убийцы”. Когда же в 1988 г. американский военный корабль уничтожил иранский пассажирский самолет (как и 5 лет назад, погибло более 200 человек), западные СМИ быстро забыли об этом, как еще раньше они забы-

ли об инциденте 1973 года. Тогда израильская ракета попала в ливанский самолет и погубила 108 жизней.

Но 80-е гг. отметились, в основном, пост-модернистскими сценариями Рейгана и Тэтчер, развязавших “маленькие победоносные войны” в Гренаде, Панаме и на Фолклендах. Настоящий “фестиваль демократии” начался в 90-е гг., когда любая война, развязанная либеральным Западом, сопровождалась “джентльменским набором” двойных стандартов. Почему агрессия Ирака против Кувейта привела к глобальной войне, а, скажем, Турции против Кипра – нет? Почему Хорватия могла отделиться от Югославии, а Сербская Краина не могла отделиться от Хорватии или Република Сербска – от Боснии? Почему надо защищать косовских албанцев от Югославии, а не курдов от Турции или тех же сербских беженцев из Хорватии? Почему, “защитив албанцев от этнических чисток”, Запад спокойно смотрит на то, как из Косова были изгнаны почти все сербы? Почему Запад спокойно смотрит на диктаторские мусульманские режимы в Саудовской Аравии или ОАЭ, но ему надо было свергнуть Саддама Хусейна? Почему Израиль обладает оружием массового поражения, а Ирак, Иран или КНДР не имеют права вести соответствующие разработки? Почему смехотворные выборы в Косове или Афганистане – это нормально, а на Украине это – “злая фальсификация”? Почему 100 миллионов людей, вышедших на улицы по всему миру (в том числе по 2 миллиона в Нью-Йорке и Лондоне), протестующие против войны в Ираке, остаются незамеченными, а киевские митинги объявляются революцией?

Ни на один поставленный вопрос либеральная буржуазия не даст справедливого ответа. Впрочем, такие ответы ей не нужны. Идеологи современного либерального общества (например, Р. Рорти) прямо заявляют, что на современном рынке идей истины не требуется, истина всецело зависит от потребностей толкователя или общества, к которому он принадлежит, единственное обоснование познания и истины – принятие ее “североатлантической либеральной интеллигенцией”. Несправедливые войны прекрасно вписываются в системный консенсус, оставляя все противоречия на обочине. Неолиберальная экспансия в коммуникационной сфере проявляется прежде всего в монополизации, когда десяток олигархических концернов контролируют львиную долю электронных и печатных СМИ, кино- и видеопроизводства, технологических средств, компьютерных программ и систем. По данным ООН, из 300 ведущих коммуникационных концернов 144 представляют США, 80 – Европей-

² Будь справедлив и не бойся!

кий союз, 49 — Японию³. 80 % аудиовизуальных программ в мире производятся США. На долю бедных стран, составляющих 75 % населения земного шара, приходится лишь 30 % газет. Из каждых 100 слов информации, распространяемых в Латинской Америке, 90 — продукция четырех западных информационных агентств — АП, Рейтер, Франс Пресс и ЭФЭ. Американский исследователь У. Соломон описывает этот процесс как “зачистку поля культурной продукции неолиберальным дискурсом и, как следствие, молчание других голосов” [22]. Похоронив идеи Нового мирового информационного и коммуникационного порядка, предусматривавшие развитие коммуникационной инфраструктуры третьего мира и “сбалансированный поток информации”, Запад предлагает теперь “модернизацию” Африки, Азии и Латинской Америки под началом своих концернов связи и коммуникаций и провайдеров, что, естественно, только сильнее закабалит неразвитые страны. Ведь во время агрессии против Югославии Клинтон обсуждал вопрос о том, чтобы отключить эту страну от Интернета. Также будет и с лубой “девиантной” развивающейся страной.

Буржуазная система тщательно готовит почву для своих проектов, чтобы обеспечить поддержку необходимого количества своих, которое “по опросам” будут составлять 55-65 %. Затем о них с гордостью будут говорить: “Это именно демократическое большинство. 99,9 % — это для тоталитарных режимов”. Для создания “демократического большинства” используются специфические методы. По данным американской газеты “Интернэшнл геральд трибюн”, ЦРУ создало глобальную пропагандистскую сеть и стало массовым поставщиком заведомо подтасованных сведений для печати, радио и телевидения. ЦРУ использовало в своих целях около 800 органов информации, в том числе более 400 журналов. По словам бывшего сотрудника ЦРУ Ф. Риджи, “работой на печать занимаются около 2000 штатных агентов ЦРУ, причем половина из них — за пределами США” [23, 7]. Вашингтонский корреспондент агентства Рейтер Т. Закариа пишет: “ЦРУ имеет красочную историю размещения фальшивой информации, через источники в СМИ зарубежных стран”. В интервью Рейтер бывший сотрудник ЦРУ заявил: “Попытайтесь завербовать журналиста, и он станет агентом влияния... Мы вербовали русских, британцев, фран-

цузов. Для разведки это обычная процедура — влиять на политику страны через прессу” [24]. Результатом такой деятельности стали многочисленные захваты власти в Латинской Америке, Азии, Африки и Восточной Европе.

Одно из важнейших направлений подрывной деятельности — культурное. Наш соотечественник, философ А. Панарин, замечает: “В прежние эпохи завоеватели довольствовались материальными трофеями, внутреннее духовное состояние завоевываемых их мало интересовало. К тому же до появления современных информационных и манипулятивных технологий еще не существовало единого пространства сознания, в котором, как во всеобъемлющем гераклитовом потоке, тонут все культуры, сколь отдалены друг от друга они ни были бы в других отношениях” [25, 149]. Сейчас ситуация изменилась. Консенсусу необходимо подкрепление материальной победы победой над душой. И вот уже югославы, еще недавно испытывавшие на себе американские бомбардировки, закончившиеся огромным национальным унижением, скидывают в угоду Западу своего антиамериканского президента Милошевича.

Налицо триумфальное шествие американского культурного империализма, основанного на либеральных ценностях и массовой культуре. Как пишет А. Панарин, для преодоления препятствий на его пути необходима “дискредитация внеэкономических ценностей — тотальное очищение культуры от ценностных анклавов, противостоящих экспансии менового начала. Речь идет о новой глобальной культурной революции, связанной с разгромом национальных святынь. Второй шаг — это приватизация национального потенциала властвующими элитами, превратившимися в его монопольных “товаровладельцев” [25, 131]. Культурный империализм осуществляется на основе массовой культуры, которая ведет к редукционизму, упрощению проблем, захвату подсознания человека потребительскими и поп-символами и идеалами. Силовое давление массовой культуры обеспечивается прежде всего индустрией развлечений. Из 100 наиболее кассовых фильмов последнего десятилетия 95 принадлежат Голливуду, в основном небольшому количеству студий, которые принадлежат крупнейшим медиамонополиям. Даже во Франции, ассоциирующейся с культурным протекционизмом, 9 из 10 наиболее популярных фильмов — голливудские. Французские интеллектуалы-критики не оставляют от американских фильмов камня на камне, но французы смотрят их. Восажденной Югославии армиями НАТО демонстрировались голливудские фильмы об успехах американской армии, а из кафе слышалась анг-

³ Япония обязана месту в тройке экономическому рывку 80-х годов, из-за структурного кризиса 90-х стала в ней аутсайдером. Именно Европа и США образовали тот единый порядок, с которого начался XXI век.

лоязычная поп-музыка. Даже в Иран и Ирак (до оккупации) проникает культ “ширпотреба”. Ну а любые разговоры об американском империализме, мировом господстве, вмешательстве США во внутренние дела независимых стран объявляются “паранойей”, “бредом”, противодействием “общечеловеческим ценностям”.

Путем семантической обработки экспансию неолиберальной экономической модели представляют как глобализацию. Понятие оказалось весьма удобным потому, что представляло описываемый им процесс как естественный, неизбежный и безальтернативный, а кроме того, связанный с развитием технологий. Это действительно объективный процесс, но важно разделять его разные стороны. Глобализация – это не только развитие новых технологий, но и политика, которая обслуживает определенные интересы, а также соответствующая идеология. “Объективность” глобализации связана с экспансионистской природой империалистического капитала. Капитализм создает неравенство не только внутри государств, но и между государствами. Производственные излишки концентрируются в руках небольшого количества капиталистов внутри страны и в руках небольшого количества в глобальном масштабе. Начиная с буржуазных революций XVII-XVIII вв., мировые глобальные процессы становятся все противоречивее, поскольку все агрессивнее становится капитал. Глобализация рубежа XX-XXI вв. не имеет ничего общего с естественным процессом международного экономического и культурного обмена, продолжающимся уже много веков, она продолжает худшие традиции колониализма, расизма и шовинизма прошлых веков. Наступление на социальные права, сведение до нуля участие государства в экономике с целью ликвидации института государства как такового за ненадобностью – еще одно важное звено в глобализационном сценарии.

Неолиберальные “глобализаторы” относятся к России как к стране “периферийного капитализма”, “зависимой демократии”, равно как и к другим странам, которые в этом статусе должны, по мнению Запада, быть равны России – Латинская Америка или Африка. Признавать необходимость такой глобализации – все равно что соглашаться, что такие неизбежные сопутствующие функционированию капитала пороки, как рэкет, проституция или наркомания, имеют право на жизнь. Поэтому ее нельзя воспринимать “такой, какая она есть”, необходимо признавать естественное стремление людей к объединению не на основе тотальной эксплуатации и жестокого подавления, а только на основе взаимоуважения. Только таким образом можно

разрешить главное социокультурное противоречие эпохи.

Не стоит забывать и тот факт, что человеческая история уже знала множество попыток захватить весь мир. И каждый раз реализаторам таких планов казалось, что на этот раз все решено окончательно и иного не дано. В. Иноземцев, российский философ, напоминает: “Раз за разом, начиная с тех времен, когда самым грозным оружием были лук и стрелы, история преподавала людям урок, согласно которому гибель великих империй, казавшихся нерушимыми, начинается в момент их максимальной территориальной экспансии. Теперь этим уроком, который никем – от Александра Македонского до Марка Аврелия, от Карла Великого до Фридриха II, от Наполеона до Гитлера – не был усвоен, не в состоянии оказываются воспользоваться, пусть и в совершенно специфических современных условиях, лидеры западного мира” [26, 609]. Империи рушатся, а иначе быть не может, ведь согласно Библии полное объединение людей на Земле возможно только под пятой Антихриста, за чем последует Апокалипсис. Пока Бог милует людей от такого объединения.

И сейчас “локомотив” неолиберальной глобализации США испытывает серьезные экономические проблемы: внешний долг достиг 2 триллионов долларов, внутренний – 5,9 триллионов (и ежегодно увеличивается на 500 миллиардов). Последние годы ознаменовались спадом потребления – главного гаранта стабильности американской экономики. Высокие процентные ставки угрожают уничтожить систему кредитов, главного потребительского стимула. Войны требуют постоянных финансовых влияний, для чего приходится включать печатный станок, разгонять инфляцию и понижать цену доллара. Помимо военных расходов, дефицит бюджета увеличивается в связи с уменьшением налогов на самые богатые слои населения и слабым ростом (2,8 % в 2000–2004 гг. [27]). Все это сопровождается постоянным урезанием социальной инфраструктуры, поддерживающей капиталистическую систему.

Не менее опасны и психологические проблемы американского общества, которое живет в условиях постоянного стресса, связанного с войнами, массовым психозом “международного терроризма” и господством массовой культуры с ее насилием и извращениями. В итоге каждую неделю в США происходит почти 500 убийств, свыше 2000 изнасилований и более 13 000 ограблений. В столице США – Вашингтоне – убивают в 17 раз больше, чем в европейских столицах. По данным ФБР, 25 % девочек до 12 лет подвергаются изнасилованию. По данным американской

организации “Женщины против порнографии”, недобровольно вступают в сексуальную жизнь 38 % девочек, достигших 13-летнего возраста. В 2000 году 6-летний мальчик убил сверстницу – девочку, став самым юным американским убийцей, двумя годами раньше за изнасилование был арестован 8-летний мальчик. США постоянно потрясают чудовищные истории с убийствами в школах. Около 25 % американских мужчин являются гомосексуалистами [28, 322-23]. И такая нация хочет “объединять народы”? Разумеется, нет. В каждом обществе есть свои эксплуататоры и эксплуатируемые. Вряд ли Бжезинский, Олбрайт, Клинтон или Вулфовиц смотрят “Тупой и еще тупее” или шоу Джерри Спрингера. Американская верхушка, прежде чем промывать мозги всему миру, основательно потрудились над американцами. Именно они и стали первыми жертвами массовой культуры и современных манипуляционных технологий, которые сейчас распространились по всему земному шару. В более простом, но не менее коварном виде эти технологии применялись еще во времена расколов христианской церкви, с тех пор перманентная “социализация” христианства, подмена высших идеалов “приземленными” привели к сегодняшней бездуховности Запада.

Но произошло то, что произошло. Новый западный тип культуры давно стал реальностью, к нему стоит относиться как к вызывающему сожаление заблуждению. И автор всего лишь хочет сказать, что взаимодействие народов должно основываться на принципах если не равноправия, то хотя бы уважения интересов различных культур. Это побуждает искать возможности для диалога, одна из которых – тщательное изучение всех аспектов западного постиндустриального общества. Но диалог может идти только с ясно обозначенных позиций.

Здесь стоит выделить три необходимых условия. Первое состоит в ряде принципиальных различиях между западными и восточными культурами. Например, в протестантизме богатство – “отметка Бога”, получение меньшей прибыли при возможности получить большую – грех, а в православии грехом являются даже мечтания о богатстве и роскоши. Православный Бог учит любить и прощать врагов, а иудейский – ненавидеть врагов и мстить им. А какова сочетаемость католической Польши, где гомосексуализм считается смертным грехом, с англиканской церковью, которая посвящает гомосексуалиста в сан священника? Второе – ценности не должны распространяться насильно. Настоящее взаимообогащающее взаимодействие культур возможно только на условиях особой этики и духовности. Третье условие –

экономическое. Необходимы четкие установки и ориентиры, направленные против основ неолиберальной империалистической модели: борьба против эксплуатации, финансовой спекуляции, искусственной накачки потребления, “экономики услуг”, расизма, шовинизма, социал-дарвинизма и неокOLONиализма; за развитие реального производства, социальную справедливость, равные возможности, гуманитарное и универсальное образование, интернационализм на основе сохранения культурной идентичности. Конечно, Америка может быть одним из центров такого объединения, ведь именно в Чикаго прошла первомайская демонстрация 1896 г., именно в Америке зародилось движение антиглобализма. Только это – не Америка Бжезинского и Киссинджера, Клинтона и Буша, а Америка Хемингуэя, Стейнбека, Драйзера, Джона Рида и других демократических представителей американской нации. В ином случае неолиберальная машина, вставшая на путь откровенного милитаризма, хищнического империализма, цинизма и религиозного фундаментализма, загнанная в тупик экономической и духовной стагнации, уничтожит и себя и все, чего она касается.

Итак, применяя культурологический метод, мы не подвергаем сомнению тезис о принципиальном единообразии либеральной системы СМИ, однако при этом система является не монолитной, а сложной и разветвленной, в ней есть множество мелких сдвигов и противоречий, и понять ее без широкого социокультурного анализа невозможно. Это означает анализ современных тенденций развития зарубежных СМИ, а также их современной системы. Кроме того, важнейшим объектом внимания должны оставаться информационные технологии, которые представляют собой важнейший фактор функционирования медиасистемы западных стран. При этом автор считает, что их развитие, как и резкая интенсификация информационных потоков и коммуникационных процессов, не сняли, а, может быть, и усугубили отчуждение людей от СМИ и распространяемой ими информации, так как капиталистическая элита превращает коммуникационные технологии в очередные рычаги доминирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bogart, L. Highway to the Stars or Road to Nowhere? // Media studies journal. NY, 1994.
2. Glasgow University Media Group. Bad News. London, 1976.
3. Glasgow University Media Group. More Bad News. London, 1980.

4. Фромм Э. Бегство от свободы // ([http // www.psyfactor.org](http://www.psyfactor.org))
5. Chomsky, N., Herman, E. The Political Economy of Human Rights. Boston, 1979. — 167 pgs.
6. Багдикян Б. Монополия средств информации. / Багдикян Б. — М., 1991. — 317 с.
7. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. / Шиллер Г. — М., 1998. — 453 с.
8. Информационное общество. М., 2004. — 394 с.
9. Тоффлер Э. Футушок. / Тоффлер Э. — СПб., 1997. — 697 с.
10. McChesney, R. Journalism, Democracy and ... Class Struggle // Monthly Review. Vol. 52, November, 2000 ([http // www.monthlyreview.org](http://www.monthlyreview.org))
11. Miliband, R. The State in Capitalist Society. London, 1972. — 412 pgs.
12. Noelle-Neumann, E. The spiral of Silence: Public Opinion — Our social Skin. Chicago, 1993. Цит. По Л. В. Матвеева, Т. Я. Аникеева, Ю. В. Молчанова. Психология телевизионной коммуникации. М., 2002. — С. 105.
13. Ленин В. Письмо Г. Мясникову // Ленин В. / Полн. собр. соч., т. 44, с. 78-83.
14. McChesney, R. Global Media, Neoliberalism and Imperialism // Monthly Review. Vol. 53, December, 2000. ([http // www.monthlyreview.org](http://www.monthlyreview.org))
15. Schlesinger Ph. Media, State and Nation. London, 1991. — 397 pgs.
16. Guardian 08.11.2003 ([http // www.guardian.co.uk](http://www.guardian.co.uk))
17. Bertinotti, F. Reformist social democracy is no longer on the agenda // Guardian 08.11.2003 ([http // www.guardian.co.uk](http://www.guardian.co.uk))
18. Yates, M. A Statistical Portrait of the US Working Class // Monthly Review. Vol. 56, # 11. April, 2005. ([http // www.monthlyreview.org](http://www.monthlyreview.org))
19. McChesney, R., Foster, J. The “Left-Wing” Media? // Monthly Review April.2002. ([http // www.monthlyreview.org](http://www.monthlyreview.org))
20. McChesney, R. Global Media, Neoliberalism and Imperialism // Monthly Review. Vol. 53, December, 2000. ([http // www.monthlyreview.org](http://www.monthlyreview.org))
21. Л. Саламон Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001. — 418 с.
22. Solomon, W. More Form than Substance: the Coverage of WTO Protests in Seattle // Monthly Review. NY, 2000. Vol. 52, # 1. ([http // www.monthlyreview.org](http://www.monthlyreview.org))
23. Красиков А. Печать как средство массовой коммуникации // Зарубежная печать: краткий справочник. Газеты, журналы, информационные агентства. М., 1986. — 395 с.
24. Zakaria, T. U. S. Planting False Stories Cold War Tactic 25.02.2002 ([http // www.yahoo.com](http://www.yahoo.com))
25. Панарин А. С. Искушение глобализмом. / Панарин А. С. — М., 2002. — 498 с.
26. Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. / Иноземцев В. Л. — М., 1999. — 600 с.
27. The Great Fear Stagnation and the War on Social Security // Monthly Review. Vol. 56 April, 2005. ([http // www.monthlyreview.org](http://www.monthlyreview.org))
28. Панарин И., Панарина Л. Информационная война и мир. / И. Панарин, Л.Панарина — М., 2003. — 214 с.

Рецензент — В. В. Хорольский.